

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ЧЕРТЕЖ «КУЧЮМОВО ГОРОДИЩЕ И СТАРАЯ СИБИРЬ» ИЗ «ХОРОГРАФИЧЕСКОЙ ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГИ»

С.У. РЕМЕЗОВА

К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири¹

И.В. Белич

Рассмотрен план-чертеж «Кучюмово Городище» 1703 г. С.У. Ремезова из его «Хорографической чертежной книги». На основе копии с подлинника чертежа с привлечением других содержащихся в этой книге документов сделана реконструкция надписей чертежа, отмечающих масштаб городища на рубеже XVII–XVIII вв. Исследование приводит автора статьи к заключению, что чертеж «Кучюмово Городище» С.У. Ремезова является первым топографическим планом археологического памятника Сибири начала XVIII в.

Городище Искер, план-чертеж Ремезова «Кучюмово Городище» 1703 г.

«Хорографическая чертежная книга» 1697–1711 гг. С. Ремезова является как бы самоназванием первого русского географического атласа Сибири. Географическую карту в России в те времена обычно именовали *чертеж*, а атлас или собранные региональные чертежи — *чертежной книгой*. Под термином *хорография* (гр. «*choros*» — место, «*γραφον*» — пишу) тогда разумелись описания и карты отдельных территорий суши: стран, областей, районов, а не *все-светная* мировая карта или география [Вагров, 1954, р. 111; Гольденберг, 1965а, с. 94; 1990, с. 179; Полевой, 1997]. Этим словом пользовался именитый сибирский картограф — Семен Ульянович Ремезов (между 20–27 апреля 1642 — около 1720 г. [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2005, с. 43, прим.]): «*Хорография — латински и гречески; славянски ж являет описания земли в частех изряднейшее ея, в лицах частей церкильным розмером селения жилищ, от града до града, коего имеется, и от села до села, и от стран кождо страны, и междоречия, и от реки до реки, и от урочища до коегождо урочища учинительно, услужно и доброприятно*» [Служебная чертежная книга..., 2006, с. 16].

В первом географическом атласе Сибири нашла отражение стадия сбора первичных картографических материалов — по речным системам, а не по астрономическим и/или геодезическим пунктам², в своей основе вошедших и в другие картографические труды С. Ремезова и его сыновей: «Чертежную книгу Сибири» (1699–1701) — 2-й, но первый изданный в 1882 г., историко-географический сибирский атлас; «Служебную чертежную книгу» (1702–1730) — 3-й атлас [Вагров, 1954, р. 111–125; Вернадский, 1988; Гольденберг, 1962; 1965б, с. 82–110; 1990, с. 177–208]. Эти чертежи, безусловно, не являлись картами в современном представлении. К ним больше, пожалуй, подойдет определение Дж. К. Райта, относящееся к картам западно-европейского Средневековья, каковые «были всего-навсего грубыми схемами, превращенными в произведения искусства», а картограф «был художником, который гордился красотой своей работы» [Райт, 1988, с. 224].

В первое десятилетие XXI в. возросло внимание российских и зарубежных [Kivelson, 2006] ученых к наследию Ремезова. Было издано два атласа изографа [Чертежная книга Сибири..., 2003; Служебная чертежная книга..., 2006], «История Сибирская» [Ремезовская летопись,

¹ Статья публикуется в сокращении. — Ред.

² Чертежи судоходных рек служили в тот период основой для всех российских географических карт. Корпус геодезистов был впервые сформирован к концу правления Петра I Иваном Кириловым, которому государь «поручил руководство всего картографического производства России» [Вагров, 1937, р. 78].

2006]. С 2002 г. проводятся «Ремезовские чтения» [Семен Ремезов..., 2005; Провинция в русской культуре, 2008]. В последние годы исследователи все чаще обращаются к «Хорографической книге», содержащей важнейшую информацию по картографии, топонимике, истории, археологии и этнографии Сибири [Фиалков, 1993; Колесников, 1996; Катионов, 2002; Матвеев, Яворская, 2003, 2004; Данченко, 2008; Матвеев, 2009]. Интерес к первому атласу Сибири обусловлен тем, что «Хорографическая книга» в известной степени является более полноценным источником, чем отдельные чертежи других атласов Ремезова. Поскольку многие сведения, которые заключаются в ее чертежах, изготовленных в более крупном масштабе, не вошли в их мелкомасштабные карты [Катионов, 2002, с. 82; Матвеев, Яворская, 2003, с. 148]. Отсутствуют в них и единичные чертежи, в частности чертеж «Кучюмова Городища».

Л.А. Гольденберг, пользовавшийся микрофильмом (Filmed by Harvard College Library, № 59-2045) «Хорографической книги», оказавшимся «гораздо полнее, чем фототипическое голландское издание» [1967, с. 10], ни разу не воспроизвел чертеж «Кучюмова Городища». Перед ученым стояли фундаментальные задачи. Но есть статья Л. Багрова [Bagrow, 1954, p. 122–123], где этот чертеж репродуцирован. Коль скоро у нас возникла возможность, то символично рассмотреть чертеж «Кучюмова Городища» на «Старой Сибири» — *«откуда есть пошла земля Сибирская»*, перефразируем Нестора. Благодаря помощи аспиранта университета Амстердама А.К. Бустанова, кроме ряда работ Л.С. Багрова, мы располагаем снимком чертежа «Кучюмова Городища». На этой основе был написан краткий вариант статьи [Белич, 2009].

Между тем при содействии американских исследователей: аспиранта университета штата Огайо Марка Содерстрема и профессора университета Мичигана, доктора Валери А. Кивельсон (США) — автором данной статьи были получены несколько цветных копий/сканов с подлинника «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова из Гуфтоновской библиотеки Гарвардского университета. Имеющиеся материалы позволяют шире осветить эту тему и уточнить надписи чертежа «Кучюмова Городища» С.У. Ремезова.

План-чертеж «Кучюмова Городище» С.У. Ремезова 1703 г.

Прежде чем приступить к рассмотрению чертежа, попытаемся представить отношение людей эпохи и современников С. Ремезова к этому городищу. Это нам понадобится для дальнейшего изложения. Место расположения бывшей столицы Сибирского юрта/ханства — «град Сибирь», «Кашлык», «Старая Сибирь», «Старое городище» Сибирских летописей, позже — городища Искер [Белич, 1997б], наряду с прочими памятниками древности в районе формирования раннего очага русской колонизации Сибири [Могильников, Семенова, 2004], не могло не привлекать к себе внимания и вызывало интерес со стороны не только простолюдинов, но и власть имущих.

По данным Н. Витсена, бывшего в 1664–1665 гг. в России с голландским посольством, сибирский наместник Ф. Головин извлек из могилы в обрыве Иртыша серебряный сосуд: «Боярин велел его вызолотить по причине редкости работы и места, где он его нашел» (Vitzen, 1705, S. 750. Цит. по: [Радлов, 1888, с. 3]). В 1698 г. сосуд был подарен Витсену Головиным в его бытность в Амстердаме во главе Московского посольства [Там же]. Где точно князь нашел этот сосуд, история умалчивает. Но ландшафтные признаки места его обнаружения и приказ боярина позолотить сосуд в силу места его нахождения, указывают на значимость того места. Есть основания предположить, что для наместника Сибири таковым могла быть только «Старая Сибирь» — городище Искер с бывшими и имеющимися вблизи него курганами [Мошинская, 1953, с. 200, 203, 205; Цеменков, 1998].

Еще печальнее была доля находок «бугровщиков», открытых у Тобольска (вероятно, из курганного могильника Потчеваш [Адамов, 2000, с. 19–20]), доставшихся другому тобольскому воеводе: «Господин Салтыков из такого найденного в могилах серебра велел сделать себе саблю, на память об этом замечательном обстоятельстве» (Vitzen, 1705. Цит. по: [Радлов, 1888, с. 4]). В другом месте [Радлов, 1894, с. 129] сказано, что изготовлен был эфес шпаги, но это не меняет сути отношения правящей элиты Сибири к подобным артефактам.

«Золотая лихорадка», охватившая в XVII–XVIII вв. районы Сибири, отчего пострадала масса остатков «старинны глубокой» [Формозов, 1986, с. 11–16], и явившаяся своеобразным отражением русского освоения края, началась с южных волостей Тобольского уезда. Этих кладоискателей, доходивших со своим промыслом в начале 1720-х гг. вплоть до верховьев Оби, по сведениям Д.Г. Мессершмидта, прозывали «ишимцами» [Радлов, 1888, с. 10; 1989, с. 417, 623–624]. Прежде чем достигнуть Приобья, не одно поколение «гулящих» людей, отправлявшихся с

XVII в. артелями разорять курганы и городища, основательно потрудились в округе Тобольска, в том числе на «Старой Сибири». По данным, извлеченным из Сибирского приказа, в 1662 г. в Тобольске были «биты кнутом татарин Канайко Бачиев и русский служилый человек Левка Хворов» за то, что «ходили на татарское кладбище в Саусканскую луку грабить могилы» [Миллер, 1937, с. 484], если и не на самом «Ханском кладбище» [Белич, 1997в], то около него.

Городище Искер долго было объектом искушения «бугровщиков», о чем можно судить по наблюдениям Миллера. Осмотрев Искер 15 мая 1734 г.³, он позже напишет: «в последния времена окольные российские жители, ищущие закопанных в земле пожитков, везде глубокие ямы покопали, из которых некоторые не даром потрудились» [Миллер, 1787, с. 109; 1937, с. 233]. Хотя кладоискателей привлекали большей частью курганы, нежели городища, но их тоже портили не только охотники за «кудеяровой казной».

Параллельно культурный слой городищ активно использовался в практических целях — для добычи селитры. В 1630 г. царь повелел приказу Казанского дворца сыскать в Тобольском, Томском и иных сибирских уездах «старых городищ и селищ» [Оглоблин, 1893, с. 119; Формозов, 1986, с. 14]. Тобольским воеводам и не надо далеко искать: Искер — рядом. Как из архива Тобольской губернской канцелярии выяснит Г.Ф. Миллер, «место древнего города русскими некогда называлось “Старое городище”, и что 90 лет тому назад, в царствование Михаила Федоровича, там существовал селитряный завод, который иногда в один год давал более 1000 фунтов селитры, иногда же четвертую часть этого количества». Завод работал восемь лет, но затем, «так как расходы превышали доходы», работы на нем были прекращены⁴.

В.Н. Пигнатти [1915, с. 31–32], исследовавший в 1915 г. Искер, задастся вопросом, где находился завод: «на месте ли нынешней деревни Алемасовой, или же на самом Искере?». Но он, скорее, этот вопрос поставит. И сегодня на него непросто ответить. Можно лишь предположить, что завод был между городищем и с. Преображенское, размещенном рядом. Впрочем, это не важно. Но хотелось предвидеть, что в разрушении городища помимо естественных факторов значительную роль сыграли и кладоискательство, и утилитарное использование его культурного слоя, имевшие обвальный характер.

С 80-х гг. XVII в. и особенно с началом Северной войны перед сибирской администрацией обострилась задача обеспечения нужд военного ведомства, что тогда было связано со службой Ремезова. В «Выписке служб Семена Ремезова, деда и отца, на Москве, в Сибирском приказе, в 207 [1699] году» сказано: «Во 185-м [1681] был в Тобольску у порохового селитренного дела, у перекрыту, и учинил в пороховом деле прибыль» [Служебная чертежная книга..., 2006, с. 61]. Спустя 15 лет он составит «Чертеж селитренного дела... 204 [1696] году августа в 17 день» [Там же, с. 163–164]⁵. Даже довольно скромные по строительному исполнению задания С. Ремезов всегда переносил на бумагу, заполняя чертежи пояснительным текстом — «показателем несовершенства графики, характерной для переходного периода от чертежей-рисунков к математическим чертежам» [Гольденберг, 1990, с. 269]. Наряду с «железным делом» изограф в 1703–1704 гг. занимался изысканием «селитряных земель», проектированием, устройством порохового завода. В 1703 г. он поедет на Искер с целью, поставленной еще при царствовании Михаила Федоровича.

До того С. Ремезов с сыном Леонтием два месяца находились в Кунгуре «для учинения вновь чертежа города Кунгура и уезду...», откуда вернулись в Тобольск 8 июля 1703 г. [Гольденберг, 1990, с. 136–137]. «Во время его работы в Кунгуре,— пишет Л.С. Багров,— Ремезов получил другое указание из Тобольска: помимо производства упомянутой карты обследовать с помощью дьяка Матвея Маскина Старую Сибирь = Кучюмово городище» [Bagrow, 1954, p. 121; The Atlas of Siberia..., 1958, p. 16]. Из этого следует, что данное поручение было срочным и требовало скорого выполнения.

³ «Древняя столица сибирских царей лежала на правом или северном берегу Сибирки. В настоящее время там, кроме остатков вала и кое-где ям, которые, по словам жителей Тобольска, были погребями, ничего не видно...» (Миллер Г.Ф. Исторические замечания. С. 10–11. Цит. по: [Радлов, 1894, с. 56].

⁴ Миллер Г.Ф. Исторические замечания. С. 10–11 [Там же]. «Исторические замечания» Миллера составляют часть донесений на латыни, которые он посылал в Сенат и АН из Сибири. Приведенный отрывок одного из них (обнаружено 2 из 6 донесений), был направлен Миллером 20 мая 1735 г. [Радлов, 1894, с. 56, прим].

⁵ «Чертеж», или конспективное описание, излагающее способ получения селитры, Гольденберг [1990, с. 141] датирует 17 августа 1704 г. На его взгляд, секреты изготовления пороха стали давно известны С.У. Ремезову от отца. Это подтверждается и в приведенной «Выписке служб Семена Ремезова».

План городища был снят С. Ремезовым на месте, куда он совместно с дьяком М. Маскиным, подьячим В. Коряковым и дворянином В. Турским выехал из Тобольска 11 августа 1703 г. «для досмотру селитренного дела». Подлинник чертежа «Кучюмово Городище» вместе с описанием С. Ремезова «по досмотру всяких урочищ вокруг Кучюмова городища Старой Сибири... где быть пристойно селитренному майдану», затем приобщены изографом к чертежу р. Иртыш и включены в «Хорографическую чертежную книгу» [Bagrow, 1954, p. 121–122; The Atlas of Siberia..., 1958, p. 15–16; Гольденберг, 1990, с. 141].

Судя по копии разворота оригинала книги, полученной из Гуфтоновской библиотеки, чертеж городища приклеен на обороте л. 78. Но изначально он, видимо, был склеен с верхним краем л. 79, где остался фрагмент вклейки. Если каждый стандартный лист «Хорографической книги» размером 23×17 см (книги — 30×19,5 см) [Гольденберг, 1990, с. 183], то чертеж городища составляет 2/3 длины листа и равен около 19×14 см. Хотя масштабы чертежей в «Хорографической книге» различны: лучше изученные Ремезовым реки Западной Сибири, включая Иртыш, нанесены в более крупном масштабе. Большинство вставок, а их в книге немало [Там же], в той или иной мере крупномасштабны. Среди них чертеж «Кучюмово Городище», хотя и изготовлен размером в 2/3 листа, самый полномасштабный (рис. 1).

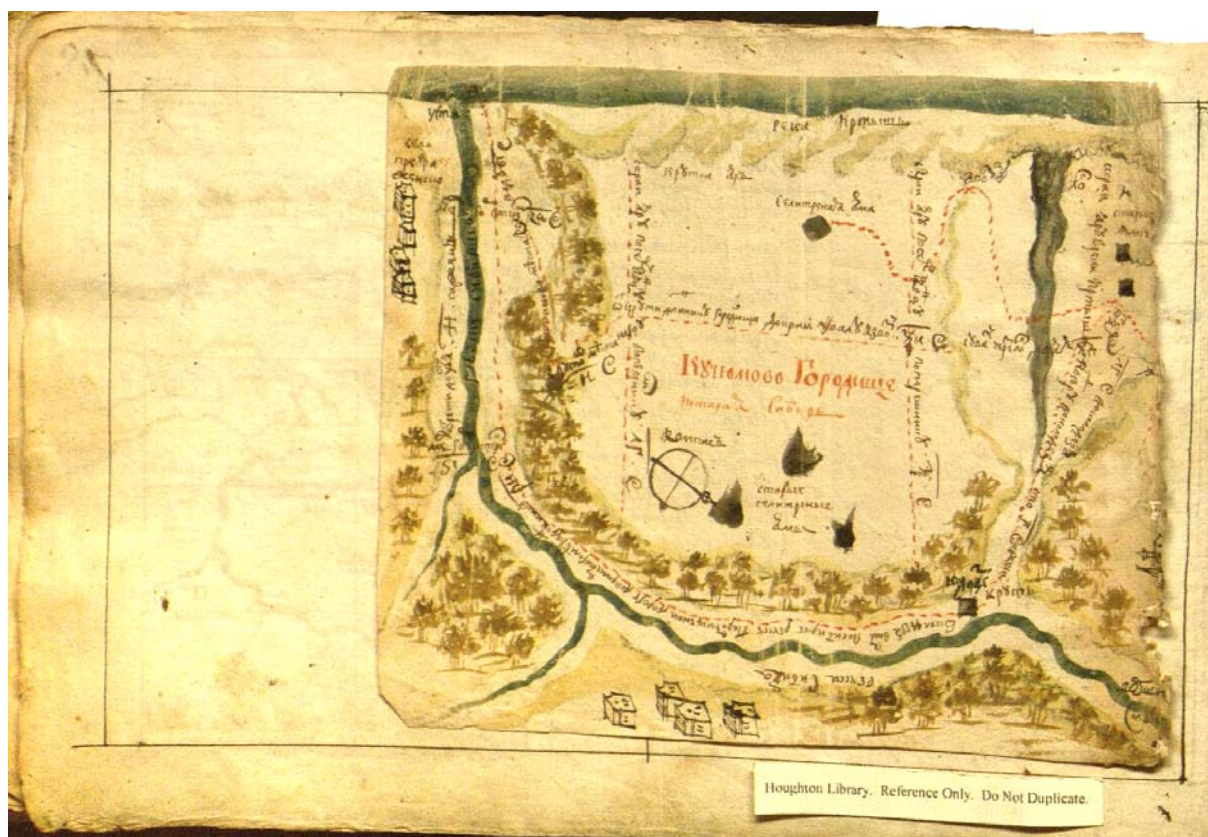

Рис. 1. Чертеж «Кучюмово Городище». С.У. Ремезов, 1703 г. (копия с подлинника)

Городищу отводится на чертеже центральное место. Оно изображено на «крутом яру», обрамляемом с двух сторон ложбиной «Речки Сибирки», с третьей стороны — «Река Иртыш», а с четвертой, или напольной, стороны — «лог». Надпись «Кучюмово Городище», в отличие от остальных, выполнена каллиграфическим почерком. Под ней находится другая, еле различимая на фотоснимке из факсимиле «Атласа» при увеличении помета, которую мы все же решились прочесть как «Татарска Сибирска». Предполагалось, что в оригинале эти надписи сделаны красным цветом (в черно-белом факсимиле они бледные), а вся реконструируемая надпись первоначально читалась как: «Кучюмово Городище. Татарска Сибирска» [Белич, 2009]. Знакомство с цветными копиями подлинника показало, что две эти надписи красного цвета, но вто-

рая из них прочитана неверно: ее следует читать «И старая Сибирь», а всю надпись так: «Кучюмово Городище и Старая Сибирь».

Круг с надписью «Компас» с двумя стрелками внутри, очерченный в левом углу пунктирно отмеченного с двух поперечных сторон городища, указывает одной из них на север, другой — на восток. Компасная картушка при этом дана не в привычном для современных карт положении — не с юга на север, а в перевернутом виде. Как известно, Ремезов в своих чертежах к «Хорографической книге» и в других атласах придерживался ориентировки с севера на юг, присущей картографической традиции того времени. «Матка (компас) деловой путь вожжей пешеходцев и мореходов. Начало стоящий магнитной север до полудни (к югу), а с востоку до западу знай путь по ветром (румбам)» [Служебная чертежная книга..., 2006, с. 17; Гольденберг, 1990, с. 171–172]. Примечательно, что чертеж «Кучюмово Городище» выдержан в соответствии с реальным ориентиром местоположения памятника — на север.

Рядом с картушкой компаса темными пятнами показаны три «старые селитренные ямы». Одна «селитренная яма» дана на западном крае городища у обрыва — «крутой яр» к «Реке Иртыш» и две «старые ямы» в виде темных квадратов — за его западными пределами. Вдоль городища над пунктирной линией, прочерченной по его середине, идет надпись: «от крути длиннику городища до край увалу к взвозу 68 сажен», обозначающая длину городища от одного обрывистого края до другого с крутым подъемом на него — «взвоз». И далее: «с увалу через лог до ям 64 сажени» — надпись, обозначающая расстояние с полевой, или оборонительной, стороны. Поперек городища над пунктирными линиями, помечающими секущие грани верхней его площадки, проходят две надписи. В первой из них читаем: «с край яру по сему концу поперешнику 33 сажени», во второй: «с край яру по сему концу поперешнику 60 сажен»⁶.

Итак, по измерениям С.У. Ремезова, длина верхней площадки крепости «Кучюмово Городища»⁷ равнялась 146,9 м. Минимальная ширина остатков ее южной стороны была 71,8 м, максимальная, в северной части, — 129,6 м. Следовательно, площадь цитадели на 11 августа 1703 г. составляла 18 850 м², почти 2 га. Это — значимые данные, позволяющие исследователям впервые получить представление о реальном масштабе городища Искер рубежа XVII–XVIII в., т.е. почти через 100 лет после того, как «град Сибирь» перестал существовать.

По ретроспективным подсчетам А.П. Зыкова, «к концу XVI в. ширина мыса составляла около 160 м, площадь верхней площадки была не менее 1,3 га». Ко времени раскопок городища в 1988 и 1993 гг. сохранилось «не более 2–3 процентов его первоначальной площади» [Зыков, 2004, с. 12]. Для сравнения — по обмерам Искера, произведенным А.А. Адамовым в 2008 г., параметры городища таковы: длина верхней площадки 69–70 м, ширина до 10 м; длина нижней площадки 17 м, ширина 19 м [Отчет..., 2008, с. 22, рис. 2]. Максимальная площадь городища, имеющего на сегодня форму вытянутого треугольника, составляет 700 м². Катастрофическая ситуация для памятника археологии, включенного в «Государственный список недвижимых памятников истории и культуры г. Тобольска» федерального значения (Приложение, 1976. № 495).

Иная информация, которую могут почерпнуть исследователи из анализа данного чертежа, вынесена автором статьи в отдельный рисунок (рис. 2), представляющий собой реконструкцию надписей с копии оригинала чертежа «Кучюмово Городище» С. Ремезова, переведенных на современный русский язык. В силу неясных и на цветной копии подлинника чертежа моментов, единичные слова не удалось дешифровать твердо. Поэтому в предложенной дешифровке надписей непонятные в них для трактовки слова и части слов взяты в квадратные скобки. Пометы условных обозначений прописаны в круглых скобках, а в размерных данных кириллические буквы заменены арабскими цифрами.

Полиграфические возможности не позволяют передать в статье снимок описания Ремезова «для досмотру селитренного дела» 1703 г. Согласно Л.А. Гольденбергу [1990, с. 141], этот текстовый документ был присоединен также к чертежу р. Иртыш 79 листа «Хорографической книги». Сначала мы предположили, что он находится на оборотной стороне чертежа «Кучюмово Го-

⁶ Трехаршинная сажень как единая единица измерения длины стала входить в употребление на Руси с 30-х гг. XVII в. и официально узаконена Соборным уложением 1649 г. При различии мнений относительно величины аршина и трехаршинной сажени в Московском царстве мы исходим из мнения Б.А. Рыбакова [1949, с. 73]: аршин — мера в 72 см, а трехаршинная сажень — около 216 см.

⁷ Раскопками Искера, проведенными в 1993 г. А.П. Зыковым (при участии автора статьи), были вскрыты сохранившаяся часть верхней площадки городища — цитадель и участок оборонительных сооружений на его нижней площадке: площадь раскопов 117 м² [Отчет..., 1994; Зыков, 1989, 1998].

родище» [Белич, 2009]. Но, похоже, это не так (см. выше) и вопрос остается. Текст документа был частью издан в переводе Гольденберга [1990, с. 141]. При дополнении цифровыми данными измерений перевод всего текста описания С.У. Ремезова выглядит следующим образом:

«1703 августа в 11 день по указу великаго государя велено ехать из Тобольска на Старую Сибирь для досмотру селитренного дела. И ездили дьяк Матвей Маскин (Маслин), с тобольским с дворянином Василем Турским, с сыном боярским Семеном Ремезовым, приказной полаты (палаты) с подьячим с Васильем с Корековым (Серюковым).

А по досмотру всяких урочищ вкруг Кучюмова (Кучумова) городища Старой Сибири длиннику и поперешнику и речки Сибирки, и где быть пристойно селитренному майдану, постановки жилым избам и анбарам, казаном и чаном и подчалком. И тому учинен сей наличной чертеж и по мере (сборе).

Всего длинник Кучюмова (Кучумова) городища с усть Сибирки речки к горе впрямь чрез городище и чрез дол логоватой (луговатой) до крутого увалу матерова берегу мимо старых селитренных ям [наложек] (наложены) дороги 227 сажен. А поперек городища в скрай яру Иртыша реки к вершины Сибирки речки 66 сажен. А вкруг всего городища от Иртыша с пади (с полдня) в скрай долу (долом) на круть под гору к колодецу и вниз по Сибирке до устья пади в Иртыш 313 сажен»⁸.

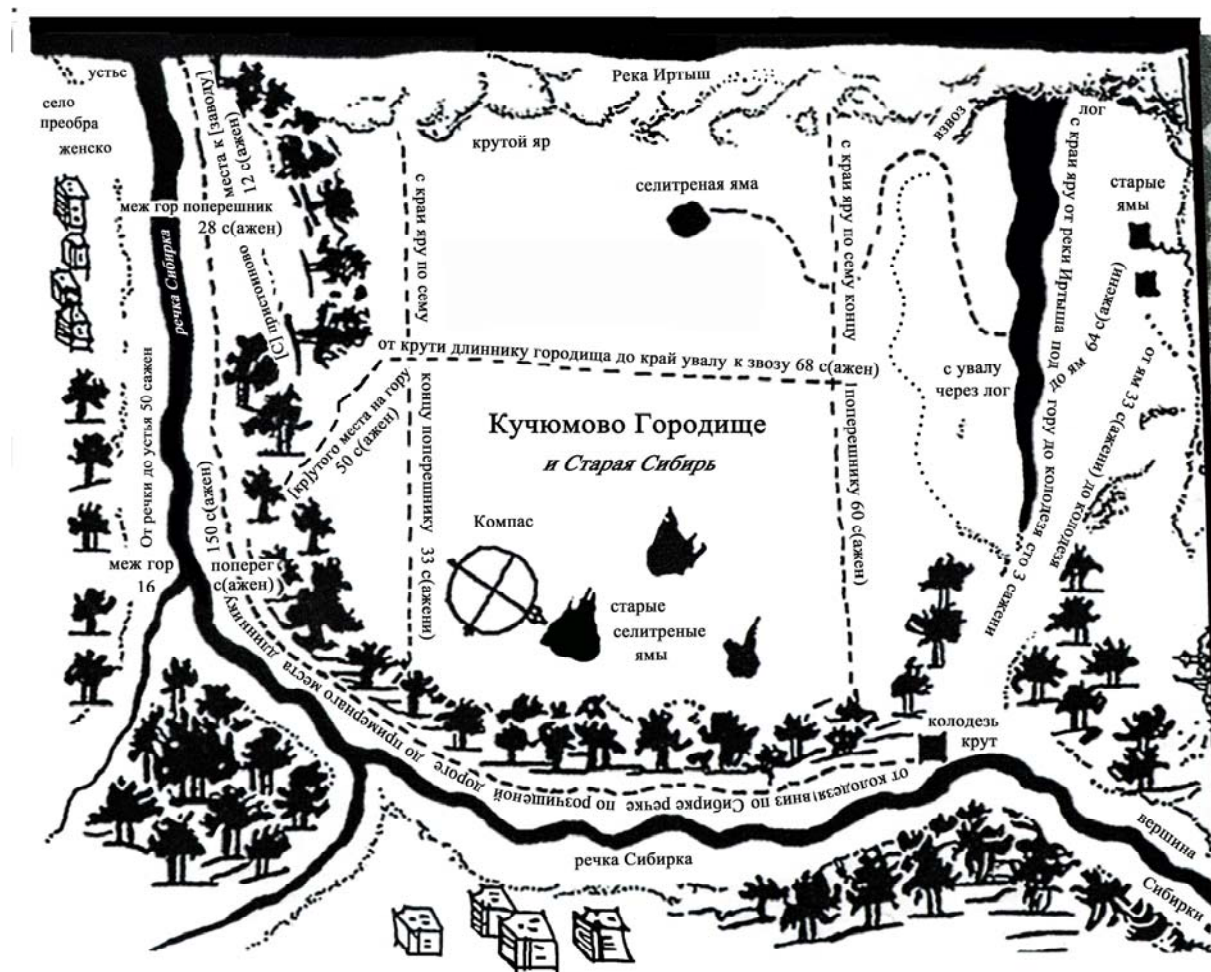

Рис. 2. Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» С.У. Ремезова (реконструкция)

⁸ Оказалось, что имеется перевод этого описания, опубликованный под заглавием «Из пояснения к чертежу Кучюмова городища (Искера), составленного С.У. Ремезовым 11 августа 1703 г.». Назван и источник: «С фотокопии документа из книги "The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov" (Гаага, 1958). Коллекция Тобольского музея-заповедника», но без указания инвентарного номера и автора перевода [Софронов, Сладкова, 2001, с. 212]. Тем не менее мы сочли уместным дать здесь в круглых скобках варианты слов из этого перевода.

Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги»...

Данные обмеров «Кучюмова Городища», произведенных С. Ремезовым с помощниками 11 августа 1703 г., не менее выразительны: длина мыса, где размещено городище, достигала 490 м при максимальной ширине северной стороны 142,5 м. Под вторым значением, очевидно, следует подразумевать ширину нижней площадки городища. Так как, во-первых, она соответствует несколько меньшей ширине его верхней площадки — 129,6 м и, во-вторых, уступает длине лога: «с край яру от реки Иртыш под гору до колодезя сто 3 сажени», 222,5 м. Протяженность мыса в его основании вдоль р. Сибирки до ее устья составляла 676 м.

На рис. 3 представлена копия подлинника «Знамения, почем познавать в чертеже какия места», или условных обозначений, которые разработал и применял изограф в «Хорографической книге», а затем в других атласах [Гольденберг, 1990, с. 316–329]. По факсимиле «Атласа» предполагалось, что «Знамения» прикреплены отдельной вклейкой к нижнему краю все того же чертежа р. Иртыш л. 79 «Хорографической книги» [Белич, 2009]. На то было определенное указание у Л.А. Гольденберга [1990, с. 317]. Но, исходя из копии с оригинала документа, определить его точное местоположение в манускрипте в настоящее время затруднительно.

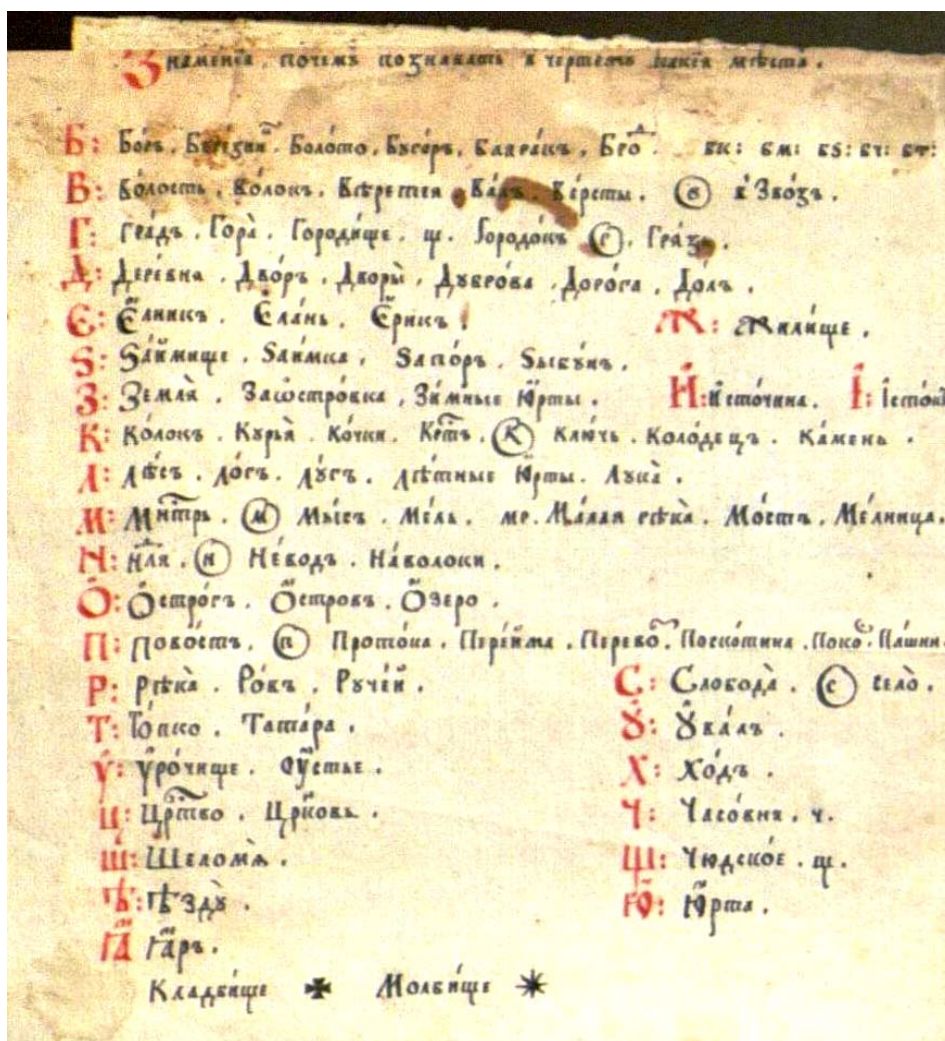

Рис. 3. «Знамения, почем познавать в чертеже какия места». С.У. Ремезов. Конец XVII — начало XVIII в. (копия с подлинника)

Стоит напомнить, что употребляемые Ремезовым условные обозначения (около 35 видов), «в целом не отличаются от принятых в древнерусской картографии». Вместе с тем разработанная им система «является второй известной нам попыткой унификации условных обозначений в русской картографии» [Там же, с. 316–329]. Потому нелишне представить «Знамения»

С. Ремезова по оригиналу, ибо они, как и другие приведенные в статье иллюстрации, труднодоступны исследователям.

С.У. Ремезов и «Кучюмово Городище» на «Старой Сибири»

Теперь попробуем взглянуть на позицию С.У. Ремезова в отношении Кучюмова городища, обратившись к фактам. Как мы знаем, 11 августа 1703 г. он совершает поездку на урочище «Старая Сибирь», где производит обмеры и делает наброски, а может, и составляет целиком план городища. Но приезжал он туда с целью «досмотру всяких урочищ вокруг Кучюмова городища... где быть пристойно селитренному майдану» и иным строениям к пороховому заводу. Однако такого завода сооружено не было. О его существовании в начале XVIII в. у нас нет сведений. Если верно прочитана надпись у южного края городища: «[С] пристойно места к [заводу] 12 сажен», то она указывает, что в 12 сажнях от подходящего места здесь был таковой завод, но... только в конце царствования Михаила Федоровича.

Дату составления «Чертежа селитренного дела и всяких припасов в дело и мерою и весом» Е.И. Дергачева-Скоп и В.Н. Алексеев определяют «204 [1696] годом августа в 17 день», Л.А. Гольденберг — 17 августом 1704 г. (см. выше). Есть расхождение. Не вникая в тонкости перевода, предпочтительной считаем вторую дату, но с поправкой — 1703. Так как, во-первых, она соотносится с мнением Гольденберга [1990, с. 141], что регулярные знания производства пороха Ремезов получил от украинцев Ф. Щербины и Ф. Степанова, присланных «для прииску селитряной земли... и для научения тобольских жителей» в 1703 г. Во-вторых, она коррелируется датой по надписи на другом чертеже из «Служебной чертежной книги»: о «доезде тобольского сына боярского Семена Ремезова для заводов порохового дела строения меры и чертежа к удобному строению 1703 году сентября 25 день» [Служебная чертежная книга..., 2006, с. 164–165]. В-третьих, согласуется со сроком поездки С. Ремезова на «Старую Сибирь» — 11 августа 1703 г.

Последняя дата здесь наиболее показательна, ибо представляет начало претворения С.У. Ремезовым задачи государственной важности, порученной «по указу великаго государя». Мы не знаем, когда был получен в Tobольске государев указ, но ясно, что требовалось неотложное его исполнение, на что и было дано указание С. Ремезову в Кунгур. Логично предположить, что по получении указания и вернувшись 8 июля в Tobольск, изограф отправляется «1703 августа в 11 день... на Старую Сибирь для досмотру селитренного дела». 17 августа 1703 г. он составляет «Чертеж селитренного дела», вернее, делает конспективное описание. А для выбора места под завод «1703 году сентября 25 день» едет в доезд. Но место для завода он выбрал в другой стороне: на берегу р. Подуwalки между д. Денисовой и старым прудом, где подходили «покосы тобольского сына боярского Семена Ульянова сына Ремезова до потоку р. Подуwalки» [Служебная чертежная книга..., 2006, с. 164; Гольденберг, 1990, с. 141]. Кстати, этот район отмечен Ремезовым на л. 79 книги.

Почему место для обустройства порохового завода он предпочел не «вкруг Кучюмова городища»: не было сырья на внушительной тогда еще территории городища, а «старые селитренные ямы» уже истощились? Вряд ли. В мощных отложениях культурного слоя городища этого «добра», полагаем, было предостаточно. В чем тогда дело? Дело, должно быть, заключалось в самом «Кучюмовом Городище» на «Старой Сибири», в сущности этого места как объекта туземной истории, связанной с Сибирским царством Кучума и его «взятием» Ермаком. Видимо, это обстоятельство и осознавал Ремезов как летописец и философ и по этой причине пожелал оставить городище для потомков нетронутым.

Допускаем, что это предположение категорично и нуждается в столь же безапелляционных доказательствах. У нас есть один, но весомый аргумент — это чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» Ремезова. Как известно, составляя различные чертежи Сибири, изограф фиксировал в них не только географические объекты, но и городища, курганы, памятные места. В их числе: «Кладбище Ермаково», «Старой городок Салинской», «Иртышака царя городок», «Кладбище Она царя», многочисленные «чюдские городища». Среди всех «городищ» чертеж «Кучюмово Городище» является едва ли не единственным крупномасштабным чертежом.

Разумеется, не следует воспринимать отношение Ремезова к Кучюмову городищу как к историческому памятнику буквально. Оно не было таковым, что обусловлено эпохой. Осознание исторических и культурных ценностей обществом имеет историческую природу, отвечающую «формационному климату» [Першиц, 1985, с. 54]. А климат был переходный — от Средневековья к Новому времени [Герчук, 2005]. В исторических взглядах С.У. Ремезова, православного, но слу-

Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги»...

жилого человека, проявляются и элементы рационализма; ему не чуждо понимание причинности и закономерности в осмыслении исторических явлений и фактов [Гольденберг, 1990, с. 163, 237]. Как носитель христианской морали, С.У. Ремезов решительно осуждает иноверие «бусурман» и превозносит христианско-просветительскую миссию православных в своем обосновании присоединения Сибири в «Истории Сибирской». Но за исходную дату «взятия» Сибири он берет 26 октября 1581 г. — день вступления «казацы» Ермака «во град Сибирь, еже Кашлык» в день «великомученика Димитрия Селунского». После этого события, как следует из его «Истории Тобольского града архиепископом и митрополитом сибирских» в «Служебной книге»: «божим благоволием Сибирское царство поручися в богохранимую благочестивую державу великаго российского царства <...> А преже ту беша бусурманское скверное агарянство, богом низложися и в покорение пленно поддася и изложися» [Там же, с. 239–240].

Заманчиво допустить, что из такой закономерности видения «Истории Тобольского града...» исходил С. Ремезов и в картографическом воплощении города. Л.А. Гольденберг [Там же, с. 162] отметил, что план «Богоспасаемый град Тоболеск» из «Хорографической книги» (л. 8 об.) ориентирован на север и «совершенно необычно для ремезовских картографических произведений, имеющих, как правило, иную ориентировку, но отвечает духу надписи о божьем граде...». Чертеж «Кучюмово Городище» имеет то же направление. Получается, что из всех чертежей Ремезова только чертежи «град Тоболеск» и «Кучюмово Городище» ориентированы на север. Если, по Гольденбергу, такая ориентация плана Тобольска «отвечает духу надписи о божьем граде», чему соответствует такое же направление чертежа «Кучюмово Городище»?

Сложно, если вообще возможно ответить. Но одна догадка есть. Она сводится к тому, что северная, необычная для Ремезова и его эпохи в целом ориентация чертежа «Кучюмово Городище» обусловлена осмыслением им былого нахождения здесь «града Сибирь» — «начального града», от коего «и оттоле нача славнее зватися Сибирь...», как предтечи «начальнейшего града Тоболеска» [Сибирские летописи, 1907, с. 318]. Этот тезис требует пояснения, имеющего отношение в сибирском летописании, в частности в Есиповской летописи, как раз к сюжету «О Сибири, чесо ради Сибирь наречеся».

В начале рассказа Есипов пишет: после того как «Адеров сын Мамет казанского царя Упака уби и град Чингиден разруши», он «отиде оттуду внутрь Сибирския земли», где «и постави себе град на реке Иртыши, и нарече Сибирь». Тема имянаречения города далее больше стяжает интерес летописца: Мамет/Моамет (Мухаммед) «повеле поставить град сего ради, яко царя победы», т.е. в знак победы, «и повеле начальным градом звати его. Оттоле ж и вся страна сия прозвася Сибирь». Как до этого звалась эта страна, Есипов не знает: «испытати не возмогах», ибо «того в память никому не вниде, ни писания обретох». Но и этим актуальность темы имени города и страны не исчерпывается. В объяснении «чесо ради Сибирь наречеся» летописец обращается к европейской аналогии — происхождению хоронима *Италия*: «Обще же Сибирь именуется, яко же и Римская страна Италия нарицается от Итала некоего, обладавшего странами вечерними, яко ж свидетельствует кроника латинская. Град же всеа Римския страны разньство имян имеют, опще же Италия нарицается» [Сибирские летописи, 1987, с. 32, 47].

Эту «итальянскую параллель» акцентировал и рассмотрел в контексте европейского изменения славянского мира в научной мысли начала Нового времени А.С. Мыльников [2005], что избавляет нас от свернутого ее изложения, кроме одного. «Почему тобольский дьяк соотносил Сибирь с “Римской страной”, а Мамета с Италией, можно лишь предполагать. И этим позиция Есипова способна привлечь к себе особое внимание», — заметил славист. На его взгляд, «она с лабораторной точностью позволяет наглядно наблюдать механизм происхождения патронимической топонимики». Схема этого механизма, представленного в моделях легенд западно-славянского (чешского) и северорусского (новгородского) генезиса, по А.С. Мыльникову, типична: новопоселенцы прибывают в некую малонаселенную местность, поселяются там и называют ее по имени своего предводителя [Там же, с. 149–150] (подробнее: [Мыльников, 1996; и др.]).

Хотя такой механизм происхождения патронимической топонимики встречается в моделях мифологем в фольклоре тюркских народов, речь не об этом. А о том, что «Есипов воспроизводит описанный механизм частично, прибегая к итальянской параллели, а к Италией как ее символу-аналогу». Тогда интерес «приобретает вопрос об источниках его информации об этом». Учитывая нахождение в Тобольске тогда польско-литовских пленников, потом Юрия Крижанича, автора трактатов о славянах, Мыльников указывает тем самым на возможные источники информации. Конечно, для Есипова ключи его сведений были в Тобольске. Но делало ли это город

«одним из важных общероссийских центров разработки славянской темы», где «Есиповские параллели встраивались в общерусскую парадигму европейского измерения славянского мира: через осознание Русского государства (включая Сибирь) как части Европы», что А.С. Мыльников противопоставляет синхронному новгородскому варианту, где «прослеживаются определенные местные амбиции» [Мыльников, 2005, с. 150].

Думается, что обе тенденции могли здесь иметь место. При этом первая из них была, вероятно, не столько направлена на «разработку славянской темы», сколько явилась следствием естественного развития русского языка в Сибири, что и может предстать как своего рода «встраивание в общерусскую парадигму европейского измерения славянского мира». Для подтверждения этой тезы процитируем мнение филолога [Панин, 2005, с. 456–457]:

«Русский язык в Сибири в рассматриваемое время не имел местных культурно-исторических корней... Церковно-славянский язык здесь выполнял функцию национальных корней. Неслучайно язык Сибирских летописей (...который своей природой был нацелен на поддержание исторической преемственности культуры, языка, сознания) отличается прочными связями с церковно-славянским языком. И, видимо, было бы упрощением оценивать эти связи только как влияние языка церковно-славянской письменности на язык сибирского летописания. Церковно-славянский язык для русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. был культурно-языковой нишей, обеспечившей единство и преемственность, может быть, самые важные для языка — культурно-историческое единство и культурно-историческую преемственность, в тот ответственный момент в истории языка, когда он (в Сибири) оказался без местных национальных корней, в условиях функционирования разных диалектов и влияния иностранной среды».

Это положение позволяет поразмыслить над тем, что дьяк и книжник Савва Есипов использует «толкование хоронима “Сибирь” с привлечением европейского, а не азиатского аналога» не столько потому, что для его рассуждений «это принципиально: раз новоприобретенная в XVI в. Сибирь находится в составе Русского государства, уже самим этим фактом она причисляется к Европе» [Мыльников, 2005, с. 149]. Сколько вследствие того, что сам церковно-славянский язык/литература выполняли тогда функцию культурно-исторической преемственности и единства Сибири с метрополией. У него не было азиатских аналогов⁹, однако и источники через германизированных ссыльных поляков и хорвата греко-католика сомнительны.

При написании «Истории Сибирской» Ремезов использовал структуру и материал Есиповской летописи, местами поправляя ее, вводя новые статьи и насыщая текст подробностями, коих никакая другая летопись не содержит [Бахрушин, 1955, с. 42; Сергеев, 1970, с. 55]. Он черпает из нее сюжет о прозвании Сибири, но без «итальянской параллели» и «патронимического подхода». Для его времени это уже не актуально и источники иные: «Мамет царь Казанского царя Алима победы и на усть речки Сибирки град Кашлык учинил, царство в Сибири распространив и поддани учинил. И оттоле нача славнее зватися Сибирь и цари, их же *бусурманская история поведает*» [Сибирские летописи, 1907, с. 318]. Здесь очевиден топонимический подход в номинации и азиатские источники. Но для Ремезова-историографа само место, где был «учинен град... оттоле нача зватися Сибирь», примечательно в истории, предшествующей основанию Тобольска.

В.И. Сергеев [1970, с. 50–51], разбирая сюжет об основании первого города в Сибири в Есиповской и Строгановской летописях, находит: как и Есипов, строгановский летописец описывает «устройство градов», но не упоминает об основании первого в Сибири города — Тюмени. Вопреки факту (известному Есипову) получается, что первым, да еще на месте «града Сибири», был основан Тобольск. «Вводя главу (30) об основании Тюмени, Есипов уточняет очередность основания городов, а затем... полемизируя, определяет топографическое соотношение Тобольска и «града Сибири». Не сопоставляя тексты гл. 31 и ст. 33 обеих летописей, отметим, что Есипов точно указал положение Тобольска «от града Сибири пятнадцать поприщ». Далее Сергеев [Там же, с. 51] пишет: «Есипов — житель Тобольска; в этом городе была известна деревня Черная, расположенная на месте кучумовой столицы («на Старой Сибири, на яру»). Поэтому нет оснований ошибочность изложения данного вопроса в Строгановской летописи ставить в зависимость от правильно излагающей факты Есиповской летописи». Да, но уточним: «На Старой Сибири д. Черной», что, имеется в виду, находилась в версте от «места кучумовой

⁹ Хотя, как отмечает сам Есипов, «О царстве же Сибирском и о княжении» он написал «ино с летописца т[ата]рского, ино же достоверными мужи испытовах», которые и «поведаша ми яве» [Сибирские летописи, 1987, с. 42]. То есть он пользовался неким «татарским» источником, видимо в переводе так называемых «бухарцев».

столицы». Она дожила до наших дней, сохранившись на том же месте в названии части с. Преображенское [Белич, 1998, с. 66–67].

Ремезов деловым языком сообщает о «поставление града» Тюмени «еже Чинги слых» — «лета 7093... июля в 29 день», затем Тобольска — «лета 7095», но без свидетельства дня, что странно для летописца, тем более тоболяка. Но затем его слог приобретает высокопарность не только в церковном духе и значение рассказа меняется: «И по промыслу Божию... против устья Тоболу поставил град именем Тоболеск, на горе, первый стольной град во всех городех...». А воздвижение церкви «во имя Святыя Троицы» указывает на день основания Тобольска, в Православной церкви приходящийся на 49 день после Пасхи [Сибирские летописи, 1907, с. 349]. Провиденциализм летописца усиливает положение и статус Тобольска: он «на горе» словно сакрального верха подобно «горы Фаворской»; он — на реальной горе: «место жь то идеж ныне град, мыс тот зовом Алтын Яргинак» [Там же, с. 319]; он «первый стольной град во всех городех» Сибири, где нет ему равных. «Слово-образ» С.У. Ремезова отвечает художественному выражению ключевой его идеи — «богоспасаемый начальнейший град Тоболеск», более ярко воплощенной в рисунках-аллегориях и текстах ст. 1 и 139 его «Истории Сибирской».

При всем том этой идее должна была отвечать равно и роль «града», что был в крае «древле», дабы оттенить и величие, и неизбежность появления «в концы вселенныя на краи гор Тобольску граду имениту». Разумеется, что из «всех Кучумовых городех» эта роль отводилась «граду Сибирь» как «начальному граду», давшему и имя целой стране. И если о неизбежности становления Тобольска летописец вещает не раз в апокрифах знамений, что «многочи видов и сам Кучума с людьми» (ст. 26–28, 55–57), используя язык метафор и сравнений, передающих сжатым образом главное в излагаемом сюжете, то о «граде Сибирь» и его значении он говорит светским стилем, применяя знания местной топонимики и «бусурманской истории».

Причем, если отследить весь текст летописи, видно, что «град Сибирь» упоминается там только с момента его «взятия» (ст. 69, 70) и после этого узлового события; до того он фигурирует под именем «Кашлык». Но почему: дабы означить тем особую важность взятия города = страны «Сибирь»; провести таким манером грань меж Сибирским царством Кучума и Сибирью царства Московского/Российского? Как знать: и то и другое возможно. Но «град Кашлык» упоминается исключительно в контексте туземной истории. Даже повествуя о происходившей по взятии «града Сибирь» и оставлении его казаками вслед за гибелью Ермака борьбе за город между Алеем/Али и Сейдяком/Сейид Ахмадом, закончившейся поражением первого, последний, рассказывает Ремезов (ст. 108), «пребываше во граде <...> Кашлык».

Эти наблюдения, а также сообщаемые пунктуальные данные о местной топонимике и топографии, с учетом и того факта, что Ремезов — единственный из летописцев, кто дает имя «град Кашлык», не оставляют сомнений в том, что ему мы и обязаны появлением этого наименования в ранней сибирской историографии. А кроме того, позволяют утверждать, что астионим *Кашлык* бытовал в тюрко-татарском ономастиконе в качестве второго или другого названия столицы Сибирского юрта: «град Кашлык, еже Сибирь» ↔ «град Сибирь, еже Кашлык» (ст. 68, 69) в XVII — начале XVIII в. Топономизация двумя, по архивным данным XVIII–XIX вв. — тремя онимами была присуща селениям сибирских татар [Баранова, 1991; Алишина, 1994, с. 71].

Г.Ф. Миллер [1937, с. 195, прим.] писал: «В Ремезовской летописи этот город называется *Кашлык*, но это название, как я слышал, не употребляется ни у одного народа». Возможно, в его время местные татары уже не помнили или, скорее, не пожелали сообщить историографу суть названия их бывшей столицы, место которой стало для них объектом ежегодного ритуального почитания [Белич, 2002]. Последнее как-то связано с изменением его наименования. Тобольские татары, по Миллеру [Там же], «называют это место *Искером*, которое тоже, кажется, не является собственным именем», что совершенно верно [Белич, 1997б, с. 73]. В известной степени можно тут согласиться и с высказыванием Х.Ч. Алишиной: «Искер (Сибирь, Кашлык) был, очевидно, священным укрепленным языческим местом. Картирование мавзолеев святых, указанных в рукописи “О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина”¹⁰, показало наибольшую их локализацию в окрестностях Искера» [Алишина, 2008] (см.: [Белич, 1997а]).

Невозможно проверить истинность упоминаний Кашлыка в летописи. В сибирско-татарских рукописях середины XVII — начала XX вв. имя страны = города приводится как: «*Ичтак/Истэк*», «*Искир/Искер*», «*Табыл/Тобол*» [Усманов, Шайхиев, 1979; Бустанов, 2009а, б]. Но, исходя из

¹⁰ Имеется в виду список *шаджара* из Тобольского музея, опубликованный Н.Ф. Катановым [1904. С. 23].

того что Ремезов использовал автохтонные сведения: топонимические и фольклорные, причем изустные [Бахрушин, 1916; Окладников, 1981; Белич, 1995], полагаю, что он не только знал это название, но ему был известен и его смысл: «град Кашлык» — калькированное *Кашлык-тура*. Прямых указаний на это нет, но тот факт, что в Ремезовской летописи данное наименование града приводится многократно и в контексте с туземной историей, косвенно свидетельствует об этом.

Астионим *Кашлык* образован от апеллятива *қаш* 'яр, высокий берег, возвышенность' + архаичный аффикс собирательной множественности *-лық/-лик*, получивший и значение абстрактного наименования качества, отчасти сохранившееся в современных тюркских языках, в том числе татарском¹¹. Слово *қашлык* 'возвышенный' обозначает ландшафтное свойство: *Кашлык-тура* — «Возвышенный город», «город [на] возвышенности» [Тумашева, 1992, с. 125; Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 100; Белич, 1997б, с. 73].

И ничего удивительного в том, что в этом значении «град Кашлык» был известен С. Ремезову от тобольских татар: оно соответствовало как языковой, так и топонимической реалии. Но главное для Ремезова-летописца, как представляется,— этот смысл имянаречения отвечал положению и самому духу «начального града», что был в крае «древле». Иное и менее возвышенное название не подошло бы таковому даже в туземном наречии. А потому оно — наименование «град Кашлык» и было введено в Ремезовскую летопись. Для Тобольска тем самым был соблюден равноценный (семиотический) баланс статуса и значимости «первого стольного града во всех городех» Сибири. Такова гипотеза, презумпцию которой мы и попытались отстаивать.

Если исходить из нее, то становится понятным, почему Ремезов вводит на страницах своей «Истории» туземное название той горы, на которой будет возведен Тобольск: «мыс тот зовом *Алтын Яргинак*». Семантика топонима-фразы, в частности второго слова, еще требует лингвистической проработки, но уже по первому слову очевиден ее «золотой» смысл. Стало быть, знаковый баланс положения места поставления «града Тоболеска» оказывается соблюденным и тут. Если нашу гипотезу и счесть умозрительной, появление этих локальных названий в Ремезовской летописи вряд ли удастся признать случайным — этаким незатейной фиксацией туземных объектов тобольским летописцем.

«Откуда есть пошла земля русская» — вот основная установка русского летописца Нестора. Это «не позиция любомудрствующего ума, а первейшая необходимость ориентации в пространстве» этнической территории, которая дискретна и сакрализована, но имеет свое начало и центр. «Нет ничего удивительного, что эту родину приходится и завоевывать...» [Чеснов, 1991, с. 79]. Применительно к Сибири эту установку древнерусской литературы как раз и исполнил С.У. Ремезов.

Итак, личное отношение Ремезова к «Кучюмову Городищу» не было цельным и однозначным. Оно формировалось в русле его осмысления сибирской истории, в которой городищу на «Старой Сибири» им отводилось место не столько памятника истории — к «достопамятному» статусу в оценке городища Искер российское общество еще придет через 100 лет на страницах влиятельного «Сибирского вестника» [Спасский, 1818]. Сколько символа «нижложися» Кучюмова царства и взятия Сибири Ермаком. Вместе с тем реальное городище воплощало собой тот «град Сибирь», те памятные события и действующих лиц сибирской истории, что незримо существуют именно и только здесь, связывая времена и судьбы в назидание потомкам.

Результатом особого отношения Ремезова к «Кучюмову Городищу и Старой Сибири», выходящего за круг его практических дел, инженерных служб, географических и летописных изысканий и религиозных взглядов, стал чертеж городища — единственный, возможно, и первый топографический план археологического памятника Сибири — «первого сибирского археолога» [Деревянко, 2002, с. 11] начала XVIII в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адамов А.А. Археологические памятники г. Тобольска и его окрестностей. Тобольск, 2000. 96 с.
 Алишина Х.Ч. Ономастические данные для изучения этногенеза сибирских татар // ЭО. 1994. № 3. С. 69–75.

¹¹ Ср.: *калкулык* — тат. 'возвышенность' = *түбә/түбә* 'возвышенность' [Русско-татарский словарь, 1991. С. 72; Словарь российско-татарский..., 1804. С. 61].

Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги»...

- Алишина Х.Ч.* Анализ ономастикона памятника русской средневековой письменности «Краткая сибирская летопись (Кунгурская)» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://frgf.utmn.ru/last/No11/text06.htm16/10/2008>.
- Баранова Т.А.* Тюркские ойконимы в топонимии Тобольского района Тюменской области // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1991. С. 77–81.
- Бахрушин С.В.* Туземные легенды в «Сибирской истории» Ремезова // Исторические известия. М., 1916. № 3–4. С. 3–28.
- Бахрушин С.В.* Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе // Науч. тр. М.: АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 1. С. 17–71.
- Белич И.В.* Легенда о «Ташатканском камне» // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 80–83.
- Белич И.В.* Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера // ВИАЭ. 1997а. Вып. 1. С. 93–98.
- Белич И.В.* Сибирь — Кашлык — Искер // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сиб.-Урал. исторического конгр. Тобольск, 1997б. С. 72–73.
- Белич И.В.* Ханское кладбище // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Уфа, 1997в. С. 9–14.
- Белич И.В.* «Старая Сибирь» и городище Искер // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 63–71.
- Белич И.В.* Искер: Из «сакральной» истории памятника сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. С. 180–184.
- Белич И.В.* Чертеж «Кучюмово городище» С.У. Ремезова из «Хорографической чертежной книги» // Вестн. ТюмГУ. Сер. ист. наук. 2009. С. 90–101.
- Бустанов А.К.* Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: ИД «Наука», 2009а. Т. 11. С. 195–230.
- Бустанов А.К.* Фамильная хроника сибирских сайидов: Шаджара рисаласи: (Текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире. 2009б. 1–2 (13–14). С. 45–61.
- Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/russia.html>.
- Герчук Ю.Я.* С.У. Ремезов. На пути из Средневековья в Новое время // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX вв.: Первые Ремезовские чтения 2002. Тобольск, 2005. С. 27–39.
- Гольденберг Л.А.* «Хорографическая чертежная книга» С.У. Ремезова // ВИА. 1962. № 6. С. 183–185.
- Гольденберг Л.А.* Новый источник по истории Сибири — «Хорографическая чертежная книга» С.У. Ремезова // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск, 1965а. № 5. Вып. 2. С. 94–101.
- Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ (1642 — после 1720) / Отв. ред. А.В. Ефимов. М.: Наука, 1965б. 236 с.
- Гольденберг Л.А.* С.У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII — начала XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967. 32 с.
- Гольденберг Л.А.* Изограф земли Сибирской. Магадан: Кн. изд-во, 1990.
- Данченко Е.М.* К изучению Кызыл-Туры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск: ИД «Наука», 2008. С. 223–224.
- Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Ремезовская летопись: История открытия, рукописи, издания // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX вв.: Первые Ремезовские чтения 2002. Тобольск, 2005. С. 41–70.
- Деревянко А.П.* С.У. Ремезов и Сибирь // Там же. С. 11.
- Зыков А.П.* Раскопки городища Искер // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 148.
- Зыков А.П.* Городище Искер: Исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998. С. 22–24.
- Зыков А.П.* Искер — забытая столица Сибири // Родина: Рос. ист. журн. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. М., 2004. С. 12–16.
- Катанов Н.Ф.* О религиозных войнах учеников Багауддина против инородцев Западной Сибири: (По рукописям Тобольского музея). Казань, 1904. 30 с.
- Катионов О.Н.* Обь-Иртышское междуречье на картах Сибири // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 5. С. 82–85.
- Колесников А.Д.* Иртыш и устье Оми на чертежах и картах XVII–XVIII вв. // 280 лет Омску: История и современность. Омск, 1996. С. 10–14.
- Матвеев А.В.* Притарье и северо-западная Бараба в «Хорографической чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: ИД «Наука», 2009. Т. 11. С. 132–138.
- Матвеев А.В., Яворская Л.Я.* Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг. // Изв. ОГИК музея. Омск, 2003. Т. 10. С. 147–162.

- Матвеев А.В., Яворская Л.Я.* Павлодарская область на листах «Хорографической чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 гг. // Олкетану — Краеведение. Спец. вып.: Этноархеология: актуальные проблемы и перспективы развития. Павлодар, 2004. Вып. 3. С. 139–143.
- Миллер Г.Ф.* Описание сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Книга первая. Вторым тиснением. СПб., 1787.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.
- Могильников В.А., Семенова В.И.* Искер // Большая Тюменская энциклопедия. Екатеринбург, 2004. Т. 2. С. 32–33.
- Мошинская В.И.* Городище и курганы Потчеваш // МИА. № 35. 1953. С. 189–220.
- Мыльников А.С.* Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996. 314 с.
- Мыльников А.С.* Итальянские параллели Саввы Есипова: К вопросу о вариантах римской темы в русской научной мысли XVI–XVII вв. // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX вв.: Первые Ремезовские чтения 2002. Тобольск, 2005. С. 145–150.
- Оглоблин Н.Н.* «Сыские дела» о кладах в XVII веке // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1893. Кн. 7.
- Окладников А.П.* Туземные легенды о Ермаке // Сибирские огни. 1981. № 12. С. 126–133.
- Отчет* о выполнении научно-исследовательской работы «Спасательные археологические исследования объекта археологического наследия «Кучумово городище — древняя столица Сибирского царства». Тобольск, 2008. (Рукопись).
- Отчет* о работах в Тюменской области летом 1993 г. Т. 2: Раскопки городища Искер. Екатеринбург, 1994. 40 л. Приложение. (Рукопись).
- Панин Л.Н.* О языке русской письменности Сибири XVII–XVIII веков // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX вв.: Первые Ремезовские чтения 2002. Тобольск, 2005. С. 429–457.
- Першиц А.И.* Возможен ли формационный подход к социальным ценностям этнической культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 50–63.
- Пигнатти В.Н.* Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. Вып. 25. 1915. С. 1–36.
- Полевой Б.П.* Новое об открытии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1997. Ч. 1. 160 с. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.kamchatsky-krai.ru/history/polevoy_kamchatka.htm.
- Провинция* в русской культуре: Вторые Ремезовские чтения 2005. Новосибирск, 2008. 532 с.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 1 // МАР. № 3. СПб., 1888. 40 с.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 3 // МАР. № 15. СПб., 1894. 146.
- Радлов В.В.* Из Сибири: (Страницы дневника). М.: Наука, 1989. 749 с.
- Райт Дж. С.* Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М.: Наука, 1988. 480 с.
- Ремезовская летопись.* История Сибирская. Летопись Сибирская Краткая Кунгурская: В 2 т. Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2006.
- Русско-татарский словарь.* Казань, 1991.
- Рыбаков Б.А.* Русские системы мер длины XI–XV вв. // СЭ. 1949. № 1. С. 70–88.
- Семен Ремезов* и русская культура второй половины XVII–XIX вв.: К 360-летию со дня рождения С.У. Ремезова: Первые Ремезовские чтения 2002. Тобольск, 2005. 492 с.
- Сергеев В.И.* У истоков сибирского летописания // ВИ. 1970. № 12. С. 45–61.
- Серебrenников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 304 с.
- Сибирские летописи.* СПб., 1907.
- Сибирские летописи.* Ч. 1: Группа Есиповской летописи // ПСРЛ. М.: Наука, 1987. Т. 36.
- Словарь* российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище, св. Иосифом Гигановым и муллами Юртовскими свидетельствованный. СПб., 1804. 683 с.
- Служебная чертежная книга.* Семен Ремезов и сыновья: В 2 т. Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2006.
- Служебная чертежная книга.* Семен Ремезов и сыновья. Т. 2: Текст рукописи. Комментарии. Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2006. 170 с.
- Софронов В.Ю., Сладкова Л.Н.* Откуда земля сибирская пошла. Тобольск, 2001. 384 с.
- Спасский Гр.* Собрание исторических, статистических и других сведений о Сибири и странах сопредельных оной. I. Картина Сибири // Сиб. вестн. СПб., 1818. Ч. 1. С. 28–30.
- Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. 256 с.
- Усманов М.А., Шайхиев Р.А.* Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская историография и источниковедение. Новосибирск: Наука, 1979. С. 85–103.
- Фиалков Д.Н.* Раздумья над старыми картами // Омская старина: Историко-краеведческий альманах. Омск, 1993. № 1. С. 165–171.
- Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги»...

Цеменков А.Е. Научный отчет по результатам археологических исследований состояния историко-культурных объектов г. Тобольска и его окрестностей. Екатеринбург, 1998. Т. 1. (Рукопись).

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским в 1701 г.: В 2 т. М.: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2003.

Чеснов Я.В. Этнический образ // Этнознаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. С. 58–95.

Bagrow L. Ivan Krilov, compiler of the first Russian Atlas, 1689–1737 // *Imago Mundi*. 1937. 2.

Bagrow L. Semyon Remezov — a Siberian Cartographer // *Imago Mundi*. 1954. Vol. 11. P. 111–125 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/1150183> Accessed: 24/02/2010.

Kivelson V. A. Cartographies of Tsardom: The land and its meanings in seventeenth century Russia. Cornell University Press, 2006. P. 117–209.

The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov / Facsimile edition with an introduction by L. Bagrow // Imago Mundi. s-Gravenhage, 1958. Suppl. 1. 173 L.

Vitzen N. Noord-en Oost-Tartarye. Amsterdam, 1705. Bd. 2.

Тюмень, ИПОС СО РАН;
belich58@mail.ru

The article considers “the Kutchum fortified settlement” drawing by S.U. Remezov (1703) from his “Chorographic drawing book”. Basing on a copy from the drawing’s original, with an attraction of other documents containing in that book, subject to reconstruction being inscriptions of the drawing marking a scale of the fortified settlement at the border of the XVII–XVIII cc. The investigation draws the author to a conclusion that “the Kutchum fortified settlement” drawing by S.U. Remezov is the first topographical plan of a Siberian archaeological site of the early XVIII c.

The Isker fortified settlement, “the Kutchum fortified settlement” plan by Remezov (1703).